

Поймать этого далеко уже не молодого человека оказалось делом нелегким. Борис Константинович не изменил привычке юности, ставшей единственно возможным способом существования, нормой жизни: успевать везде, быть свидетелем и участником всех событий, происходящих вокруг.

— Борис Константинович, почему же вы решили расстаться с кинокамерой?

— Тяжело стало лазить по крышам и деревьям. Не мальчик уже, согласны? А если серьезно... Главное в профессии кинооператора — умение современно видеть окружающий мир, оперативно реагировать на событие. С годами же волей-неволей приходит иное, хотя и ценное, но притормаживающее, что ли, качество — необходимость подробного, дотошного анализа происходящего. Можно сказать, сравнительно исторического анализа. Хочется не только запечатлеть событие на пленке, но и дать ему оценку. Появляется желание перелистать прошлое, поразмышлять.

— К вопросу о воспоминаниях — вам никогда не хотелось рассказать о том, что вы видели, где бывали, с кем встречались не с помощью кино или фото, а...

— Семь лет подряд во ВГИКе я отвечал на вопросы студентов и кое-что, думаю, успел им рассказать. А еще раньше, очень давно, я написал книгу. Но вы ее не найдете ни в одной библиотеке. Вот — у меня остался единственный экземпляр.

Я беру в руки тоненькую книжку в бумажном переплете. «В революционной Испании». Госкомиздат. Москва. 1938 год.

— Гражданская война в Испании — это, наверное, самое яркое воспоминание из вашей богатой биографии?

— Видите ли, кинооператоры — народ, избалованный событиями. Нас трудно чем-нибудь удивить. Мы привыкли жить со скоростью света, сливаться с событием и воспринимать его как часть собственной судьбы. На том этапе времени, конечно, Испания была главным. Но потом-то была Великая Отечественная война и работа во фронтовой киногруппе. Оборона Москвы. Берлинская конференция. Нюрнбергский процесс. Десятки международных встреч, выставок, симпозиумов... Египет, дважды Сомали...

Знаете, вы спрашиваете, и вдруг в памяти всплывает столько событий, фактов, что ни в какие мемуары они не поместятся. И о которых я уже совершенно позабыл. Кинорепортер живет сегодняшним событием.

— А Испания?

— Испанию не забудешь. Я работал там восемь месяцев... Вот, опять вспомнилось неожиданное. Сколько бы мы в те годы ни ездили, никогда — в качестве кинооператоров. Чаще всего представлялись коммерсантами. Потому что для тех лет... Кинооператор из Москвы? В это мало кто мог поверить.

Наш отъезд в Испанию был обставлен почти секретно. Маршрут пролегал через территорию Германии, которая в то время уже открыто встала на сторону испанских мятежников. Летели мы в Париж, откуда поездом должны были добраться до испанской границы. Граница: Францию от Испании отделял мост. Французские пограничники, проверив наши документы, вежливо откосыряли. На противоположной стороне моста нас ожидали настороженно: два увешанных аппаратурой и одинаково одетых человека. Еще в Париже мы сменили элегантные костюмы деловых людей на удобные для работы

бриджи и курточки. Одинаковость эта была случайной, но выглядела, пожалуй, действительно подозрительно...

Помните стихи Маяковского о советском паспорте? Вы бы видели — с каким восторгом восприняли испанцы красную книжцу с серпом и молотом на обложке. Нас хлопали по спине, жали руки, обнимали. Мы, конечно, кинулись к камерам, а ребята в синих комбинезонах — «моно» по-испански — поднимали сжатые в кулак руки и кричали «салют!».

— Мало похоже на пограничную формальность.

ГЕОГРАФИЯ БИОГРАФИИ

Сегодня у нас в гостях кинооператор,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
лауреат Государственных премий СССР
Борис Константинович МАКАШЕВ

— В Испании в то время вообще было мало событий, на что-то похожих. Все было новым, порой непонятным, неожиданным. Например, в Мадриде трамвай подъезжал прямо к линии фронта. В первые месяцы войны на время «каמידы» — обеда — бои прекращались. В окопы к бойцам приходили родные, приносили еду. Да и сами бойцы порой позволяли себе навестить родственников.

Конечно, с нашей точки зрения, это можно рассматривать как недостаток дисциплины. Но ведь для испанцев это — традиции, сложившиеся в веках. Как, допустим, бытовавшая когда-то форма мобилизации в Китае. По деревне ехал человек на лошади. С двух сторон висели мешки с шапками. Если удавалось догнать парня или мальчишку и надеть на него шапку, тот считался мобилизованным. Снять или потерять шапку никому и в голову не приходило — традиция.

— Это тоже — личные наблюдения?

— Широкая у вас география биографии. Но, наверное, всеобъемлющая. Где-нибудь вы не бывали?

— Вот на этот вопрос гораздо легче ответить. Не бывал на Северном Полюсе и в Австралии.

— И все?!

— Я ведь в кинохронику пришел в 1928 году. Вот и посчитайте, сколько я успел повидать. С учетом специфики нашей профессии.

— Вам тогда было чуть больше двадцати. Выбор профессии только-только состоялся...

— У меня такое впечатление, что я всегда был кинооператором. Хотя, с точки зрения исторической правды, это не так. И до кинохроники я работал в ки-

но — на студии «Пролеткино». Но сначала был лаборантом, осветителем, мультиоператором. Потом помощником оператора. В те времена было модно снимать так называемые культурфильмы. С них-то и началась моя «хроническая» увлеченность. Фильмы строились на документальном материале. Приходилось обращаться за помощью к подлинным фактам и событиям. А почувствовав вкус подлинности, вернуться к тяжеловесным, схематичным культурфильмам было просто невозможно. В них краски теряли яркость, жизнь застыла. А вокруг все кипело: борьба, победы, стройки. Вы бы усидели на месте? Время диктует нам свои ритмы, выбирает нас.

— «Не по космотрам натуры» знает Макашев нашу страну: он извездил ее на

на восток. На наших глазах гибли матери с грудными детьми на руках, старики... Здесь уже от кинооператора требовались не только высокий профессионализм и личное мужество. Нужны были хладнокровие и железная выдержка. Мы обязаны были снимать. Нашим оружием была кинокамера.

— А задачей?

— Летом 1941 года всем фронтовым операторам редакция «Союзкиножурнала» направила письма, в которых говорилось, что почти в каждой сводке Совинформбюро сообщается об ожесточенных боях на всех участках фронтов, о потерях врагом живой силы и техники. «Покажите эти потери» — такой была задача.

18 февраля 1942 года на экраны вышел документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой», имевший огромный политический резонанс во всем мире.

В Англии этот фильм демонстрировался в 1200 кинотеатрах. В США его увидели 7 миллионов зрителей. Он был удостоен премии американской академии искусств — Оскара.

— Потом были «Народные мстители» — фильм о судьбах людей, оставшихся на территории, оккупированной фашистами. И к вооружению кинооператора прибавился автомат и пара гранат на случай встречи с врагом.

— Да... А потом Нюрнбергский процесс и — «Суд народов». Я работал на этом фильме в качестве главного оператора.

— Борис Константинович, вы никогда не завидовали возможностям телевидения? Представьте, тот же Нюрнбергский процесс — только прямая трансляция.

— А что бы осталось вашему поколению? Вы бы его тогда просто не увидели.

В мое время кинохроника представляла собой самый оперативный видеоматериал. Неделя, разделяющая событие и воспроизведение его на экране, была нормальным сроком. Это не ностальгические вздохи, поверьте. Просто — скорость — тоже примета времени...

— Борис Константинович, и все-таки — не закончилась ли с приходом телевидения эра документального кино?

— Видите ли, событийность и документальное кино — это разные вещи. Оперативно сообщать о случившемся — действительно сегодня привилегия телевидения. Нас, кинодокументалистов, тормозит довольно длительный технологический процесс. Однако это не значит, что кинохроника обречена на вымирание. Кинохроника — это летопись. Для сравнения: газета и книга. И то, и другое необходимо. Газета подробно информирует о событиях день за днем. Зато у книги есть преимущество монтажа — отбор «отснятых» фрагментов в соответствии со сценарием и режиссерским замыслом. Она дает всеобъемлющий срез времени, обобщает, запечатлевает политические и культурные слои, нравственные проблемы, творческие искания. Через призму событий, конечно.

Борис Константинович поднялся. Он уже давно тайком поглядывал на часы. «Кинопоттер живет сегодняшним»...

Гостя расспрашивала И. ТУРБИНА.